

ГЛАВА I. Введение: саморазрушение буржуазии в ходе классовой борьбы

Массам чужда чуткость. Значимые события проходят мимо них, оставаясь незамеченными, их души не затрагивают великие и революционные научно-технические открытия. Лишь по прошествии времени они начинают реагировать и поддаваться воздействию новых обстоятельств.

Десятилетиями и даже веками терпеливо и безучастно выживают они в условиях самого медленного правового и нравственного развития [354]. Научно продвинутые страны на протяжении целых эпох находятся под влиянием одной политической и государственно-правовой системы, смысл которой восходит к более ранним этапам развития государственной экономики. Это как раз случай современной Германии, где феодально-аристократическая форма управления, соответствующая экономическим обстоятельствам прошлого, все еще не была адаптирована к ярко выраженному индустриально-капиталистическому содержанию.

Подобные явления, которые с точки зрения истории кажутся аномальными, могут иметь несколько причин. Во-первых, возможно, что социальные слои, сформировавшиеся в условиях прежних экономических отношений, смогли сохранить свою значительную политическую и моральную власть еще с тех времен, когда они считались образцовыми представителями существовавшей тогда экономики. Им удалось сохранить свой моральный авторитет и политическую силу и на новом этапе экономического и гражданского развития удержать их, даже вопреки выраженной воле большинства. Но чаще всего мы видим, что классы, представляющие экономический порядок прошлого, сохраняют власть лишь потому, что классы экономического настоящего или предполагаемого будущего не осознают своей фактической власти, государственной и экономической значимости и не в последнюю очередь не видят пренебрежения и вреда, влиянию которых они подвержены. Фатализм, печальная вера в собственное бессилие, играет важную роль в этих отношениях и парализует их развитие. До тех пор пока угнетаемый класс не избавится от фатализма и не начнет осознавать социальную несправедливость, не может возникнуть никакого классового движения, борющегося за независимость. Не сам факт наличия подавления, а то, как угнетенные классы его переживают, приводит к возникновению различных движений в

истории классовой борьбы[355]. По этой же причине наличие современного пролетариата само по себе еще не стало «социальным вопросом». Классовая борьба, если она не хочет навсегда остаться невоплощенной мечтой, должна основываться на классовом самосознании. Это ее неотъемлемый коррелят.

Буржуазия, класс, против которого должна быть направлена борьба пролетариата, сама заботится о классовом самосознании рабочих. История полна иронии. На долю буржуазии выпала горькая участь стать воспитательницей для своего заклятого экономического и социального врага. Прежде всего потому, что, как в «Манифесте коммунистической партии» замечает Карл Маркс, она вынуждена «обращаться к пролетариату, принимать его помощь и, таким образом, вовлекать его в политические процессы» в ходе непрерывной борьбы, которую буржуазия была вынуждена вести сначала против аристократии, затем против отдельной части буржуазии, интересы которой противоречили интересам большинства, затем против буржуазии других стран. В результате буржуазия «сама передает пролетариату элементы своего собственного образования, т. е. оружие против самой себя» [356]. Но буржуазия может считаться воспитательницей пролетариата и совсем в другом смысле: она для него учитель фехтования. Благодаря тесному контакту с пролетариатом буржуазия теряет часть своих представителей, которые ставят свои знания и нервы на службу рабочих масс, чтобы вдохновить их на борьбу против существующих социальных отношений. Отделяется лишь незначительная часть буржуазного слоя. Но это лучшие его представители, сверхлюди, они возвышаются над большинством себе подобных в своем милосердии, сострадании и благонаравии, они способны разобраться в теоретических вопросах и соотношениях исторических сил, обладают достаточной силой и последовательностью, чтобы применить свои знания на деле. В любом случае они превосходят средних представителей своего класса. Именно эти представители буржуазии, отказавшиеся от воспитавшего их класса, способны направить дремлющие инстинкты пролетариата в нужное русло.

Поначалу пролетарские массы лишь инстинктивно осознают оказываемое на них давление. У них нет доступа к необходимым источникам знаний, которые могли бы разрешить запутанные исторические загадки. Возможно, это психологический закон истории: неуверенные в себе, истощенные годами бесправия социальные классы и слои решаются на активные действия только в том случае, если – машинально используем этот термин – «привилегированные классы» внушат им уверенность в собственных правах и политико-экономической силе. Простой ход мысли приводит к наиболее масштабным классовым движениям: «Не только мы сами, необразованные и бесправные, осознаем свою ущемленность. Об этом говорят и те, кто лучше нас разбирается в устройстве мира, образованные люди в почетном положении считают так же. Выходит, наши мысли о независимости – не заблуждение!»[357]

Социалистическая теория возникла из трудов по философии, национальной экономике, социологии и истории. Ни в одной социалистической повестке разных стран нет ни слова, над которым не работал бы целый ряд ученых[358]. Праотцами современного социализма в первую очередь (за небольшими исключениями) были именно ученые, а уж потом политики, в узком смысле этого слова. Конечно, еще и до них существовали спонтанные пролетарские движения, возникшие из стремления к более высокому уровню духовной и экономической

жизни. Они, однако, в большей степени были механической разрядкой пусть и справедливого возмущения, но не осознанной потребностью угнетенных в протесте. Когда наука примкнула к пролетариату, рабочее движение стало социалистическим, инстинктивный, бесцельный бунт превратился в осознанную и логичную устремленность к конкретной цели.

Подобные же феномены мы видим в любой классовой борьбе прошлого. В истории все значительные классовые движения возникают по инициативе и при содействии людей, которые принадлежат к тому классу, против которого и направлена их борьба. Еще Спартак, призвавший римских рабов к восстанию, был рабом по факту, но свободным фракийцем по праву рождения. Томас Мюнцер, агитационной работе которого в значительной степени обязана своим успехом тюрингская крестьянская война, был не крестьянином, а ученым. Флориан Гайер – рыцарем. Самые выдающиеся лидеры движений за независимость третьего сословия – маркиз де Лафайет, де Мирабо, барон де Ролан, аббат Сийес – в начале французской революции принадлежали к привилегированным слоям, а голосовавший за казнь короля Филипп Эгалите и вовсе был членом царской династии.

История современного рабочего движения – не исключение. Историк из Галле Теодор Линднер предположил[359], что начало рабочему движению положили вовсе не рабочие. На деле это не совсем так, все происходит не по мановению волшебной палочки: «Да будет рабочее движение! И возникло рабочее движение». В этом предположении не находит выражения основная идея о том, что «начало» рабочего движения не возникло на пустом месте, по воле «великих мужей», заложивших один-единственный камень в фундаменте всеобщей теории познания. Процессу становления обязательно предшествует определенный уровень социально-экономического развития, без него невозможно положить начало какому-либо движению. Но справедливо другое утверждение Линднера, сформулированное, возможно, не так четко, согласно которому глашатаи современного рабочего движения по большей части принадлежали к «образованным слоям», на что Генрих фон Зибель обратил внимание еще в 1872 году[360]. Предвестники политического социализма и представители философии социализма Сен-Симон, Фурье, Оуэн, основатели политического социализма Луи Блан, Бланки, Лассаль, отцы научной социалистической экономики Маркс, Энгельс, Родбертус – все они были представителями интеллектуальной буржуазии. По уровню международной значимости (теоретической и практической) с ними не сравнятся подмастерье портного Вильгельм Вейтлинг и философ-самоучка Пьер Леру. Одиноким дубом возвышается над ними только типограф Прудон. На более ранних этапах развития рабочего движения ораторы, как правило, были представителями буржуазии, в то время как пролетарии были скорее исключением. Список политиков социал-демократии, происходящих из буржуазных слоев, займет не одну страницу. Руководителей партии, принадлежащих к пролетариату, имена которых будут вписаны в историю их социального класса, можно пересчитать по пальцам: Бенуа Малой, Август Бебель и, пожалуй, Эдуард Ансее, но их вряд ли можно назвать большими теоретиками, несмотря на их выдающиеся достоинства и достижения в решении практических и организационных вопросов.

Даже когда пролетариат формирует партийную организацию, в ней сохраняются осколки буржуазии – это исторический факт, который при подробном изучении рабочего движения наблюдается по всему миру[361]. При появлении нового движения, нового ответвления –

достаточно обратиться к опыту социализма в Японии или Бразилии[362] – этот закон проявляется снова. К тому же это логичное следствие исторического развития. И еще: мы также отметили, что исторически обусловленным фактом является не только само присутствие представителей буржуазии внутри рабочего движения, но и все многообразие руководящих функций, которые они выполняют в ходе освободительной борьбы пролетариата. Может встать вопрос – он возникал и раньше, – не ломают ли многочисленные перебежчики из буржуазных слоев все планы и саму теорию классовой борьбы. Другими словами, желанное государство будущего, где больше не будет классового разделения, к смутному образу которого стремятся социалисты, профессора государственного права, этики и анархисты, новые христиане и новые криминалисты, может быть достигнуто не на пути психологической трансформации буржуазии, озабоченной подробным изучением несправедливо доставшихся ей экономических и социальных классовых привилегий. Резкое разделение классовых партий, представляющих классовые интересы в политической сфере, излишне, так как равносильно жесткой игре, постыдной и бесполезной. Рудольф Пенциг, издатель *Ethische Kultur*, в споре с автором зарвался настолько, что назвал буржуазных перебежчиков социализма его предвестниками[363]. Это утверждение предполагает сравнение с предводителем и свитой, за которым с определенной долей исторического терпения по следу отправятся буржуазные массы, напрямик в лагерь своего экономического и социального врага. Эту теорию можно было бы назвать теорией харакири, если бы не было точно известно, что и харакири не совершается добровольно, но выполняется по высшему приказу, вследствие внешнего принуждения. Проверим справедливость нашей теории.

Поэт-социалист Эдмондо де Амичис среди наиболее убедительных оснований для окончательной победы социализма называет усталость от всеобщего промышленного кризиса и безграничное отвращение привилегированных социальных классов к непрерывной борьбе. Они боятся революции крови и железа, в которой они обречены на поражение. Но они также придерживаются невыразимой потребности в обновлении и идеалах – «страх оказаться погребенным под руинами погибшего мира»[364]. За полвека до этого в том же ключе рассуждал и Гейне, которому, как известно, для того, чтобы стать социалистом, не хватало только твердости характера. В приложении к своим парижским рассуждениям о политике, искусстве и любви к народу 15 июня 1843 года он пишет следующее: «Я хочу... особенно отметить одно выгодное для коммунизма обстоятельство, которое заключается в том, что его врагу не хватает душевного равновесия. Современное общество защищается только из необходимости, оно не верит в свои права, не прислушивается к себе, как и прежнее общество, прогнивший остов которого рухнул с приходом сына плотника»[365].

С утверждениями обоих литераторов можно во многом согласиться. Но действительно ли вооруженное и погибающее буржуазное общество не станет до последнего защищать свои привилегии и собственность в надежде если не помешать победе пролетариата, то хотя бы отсрочить ее. Утверждение Гейне, что в его время (в 1843!) буржуазным слоям не хватало уверенности в своих этических правах, весьма сомнительно. Основная мысль, которую разделяют де Амичис и Гейне, справедлива: общество, которое не верит в собственные права, уже находится на стадии политической агонии. Привязанность к своим привилегиям вызывает в правящих классах энергичность и безрассудность, которые вступают в

противоречие с грубостью и непорядочностью, но пышно расцветают поддержанные верой в собственные права. Заражение господствующего класса идеями гуманизма, как отмечает Парето[366], в которых заключено сомнение в моральном праве на собственное существование, деморализует власть, и она оказывается неспособной защищать собственные идеи.

Тот же закон действует и в национальных союзах. Он вступает в силу там, где уверенность в собственных правах основывается на непреложном этническом самосознании, то есть на почве этики. Недостаточное осознание этого права и здесь означает упадок и разложение. Еще один исторический закон заключается в том, как народы, законодательства, институты, общественные классы могут быть упразднены, только если они – или те, кто их представляет, – начинают сомневаться в собственном праве на существование. Поляки, раздробленные и разбитые, смогли сохранить свою нацию, веру в себя и свои национальные права. Ни одна мировая власть, не говоря уже о прусско-русском микрокосме, не способна уничтожить поляков как народ до тех пор, пока в их сознании живет уверенность в собственном праве на существование. Однако венды, такие же славяне, как и поляки, из-за обстоятельств эпохи и исторических условий, в которых они были разбиты, не смогли сохранить свое национальное самосознание, если оно вообще когда-либо у них было. Они погибли под натиском германской культуры. Даже в тех регионах (например, в Шпреевальде), где им удалось сохранить родной язык, их культурно-историческое наследие было уничтожено. Уничтожено до такой степени, что венды, населявшие значительную часть территории Германии, воюют против славянских народов, не осознавая своих славянских кровей, и считаются самыми отчаянными обитателями тевтобургских лесов. Хотя на деле с германцами их объединяет только иллюзия и язык, навязанный древними завоевателями.

Ни одна социальная битва не может быть выиграна, если поверженный уже не был значительно деморализован. Великая французская революция была возможна только потому, что труды Вольтера, Д'Аламбера, Руссо, Хольбаха, Дидро и т. д., их пламенные речи, заклеянные представителями элиты как аморальные, смогли подорвать моральный дух аристократии и духовенства. Луи Блан отмечает: «Удивительное свойство Энциклопедии, этой великой лаборатории идей XVIII века, в 1789 году ей оставалось только физически завоевать то, что она уже подчинила себе духовно» [367]. Процесс объединения итальянцев, раскиданных по территории семи государств, сопровождался минимальными кровопролитиями, а после основания империи в отличие от процесса объединения Германии-Пруссии на территории полуострова никто не проронил ни слезинки по свергнутой монархии. Это объясняется тем, что единение душ предшествовало единению административных властей [368]. Победу в Гражданской войне в США, приведшую к освобождению чернокожих рабов, северным штатам удалось одержать не благодаря лучшему вооружению, а в результате осознания моральной несправедливости, которое к концу войны распространилось среди рабовладельцев южных штатов[369]. И подобных примеров множество.

Подорвать самоуверенность противника – главная задача агитации. Убедить его в непреложной ценности своих аргументов – необходимое предварительное условие. Социализм не может недооценивать силу слова, непреодолимую силу убеждения, именно ей

он обязан громкими успехами своей пропаганды. Сила убеждения имеет естественный предел, который лежит в области социальных взаимоотношений. Легко добиться успеха, если сила убеждения направлена на народные массы и классы, которые нужно убедить в необходимости присоединиться к народному или классовому освободительному движению. Но любая пропаганда потерпит неудачу – и история социальной борьбы снова и снова учит нас этому, – если решит обратиться к привилегированным классам с предложением отказаться от своих привилегий.

Человеческая индивидуальность – не фишка в экономической игре. Жизнь индивида – это неустанная борьба между его экономическими потребностями и принадлежностью к определенной касте и сфере интересов, с одной стороны, и, с другой – его плотью и кровью, которые находятся выше любого социального класса по ту сторону классового и кастового положения, они будоражат его чувства и уводят в сторону от социально-экономических проблем. Но это применимо только к индивидам, взятым по отдельности. Массы, за исключением экстраординарных эпизодов, – это действительно просто разменная монета. Их плоть и кровь несут на себе клеймо экономических интересов, как овца носит клеймо ее хозяина. Оно не обязательно должно соответствовать ситуации или быть справедливым. Как и клеймо на овечьей спине, оно часто приводит к гибели. Но в случае с человеческими массами печать экономических отношений оказывает влияние и на физическое состояние. Род занятий и интересы, к которым приводит экономика, подчиняют труду и тело, и дух.

Как нам хорошо известно, учение социализма привлекло на свою сторону множество «недорослей-буржуа» и так повлияло на их разум, что они отказались от своих друзей и родных, отцов и матерей, общественного положения и уважения в обществе. Они готовы были без малейшего сомнения посвятить всю свою жизнь борьбе за освобождение человечества. Но это единичные случаи, которые не отражают образ действий их социального класса в целом. Социальный слой, который они покидают, не затронут их уходом. Класс как таковой не может отказаться от своего привилегированного положения. Он не признает этических оснований, которые пытаются вынудить его отречься от своих благ в пользу «бедных братьев». Этому мешает классовый эгоизм [370]. Классовый эгоизм – свойство любого класса, в том числе пролетариата. В этом случае в силу исторических причин особый классовый интерес сочетается со стремлением к бесклассовому идеалу, пусть и воображаемому [371]. У различных правящих классов классовый эгоизм развит по-разному. Среди крупных владельцев недвижимости, особенно среди прусских юнкеров, распространена склонность отправлять в сумасшедший дом или на каторгу любого, кто выдвигает тезисы, угрожающие их экономическому, социальному или политическому благосостоянию. Но и другие социальные слои, неспособные на активное противостояние и не столь эгоистичные по своей природе, как небольшой слой прусских юнкеров, разделяют идеи социальной справедливости лишь до тех пор, пока они не угрожают их инстинктивным классовым интересам [372]. Вполне логично, что пролетариат как классовая партия станет относиться к борьбе с буржуазией как классом во всем его многообразии как к единственно возможному пути устранения классовой монополии буржуазии на науку, здравоохранение и частную собственность.

Нет никакого противоречия между необходимостью борьбы пролетариата с буржуазией в форме классовой войны и необходимостью учитывать и соблюдать права человека. Сила

убеждения – хорошее средство для достижения власти, но только ее недостаточно. Бесспорно, социальный класс, который убежден, что благородные мотивы и высоко-моральное внутреннее содержание взглядов противника превосходят его собственные, теряет силы и веру в собственные права, которые и являются единственным этическим оправданием всей борьбы. Но даже парализованные моральным превосходством противника, они продолжают бороться, зачарованные своим классовым эгоизмом, и только сила – не слов, но фактов – сможет их побороть.

Мы думаем, нам удалось доказать, что переход из буржуазных рядов в ряды рабочих (переход, представляющий собой процесс спонтанного отбора, причины которого кроются в психологических мотивах) можно считать логичным следствием того этапа исторического развития, на котором мы находимся в данный момент. Этот частичный исход буржуазии, однако, не может привести к полному самоуничтожению буржуазии ввиду особых причин и обстоятельств. А результат борьбы двух великих классов, чьи экономические интересы антагонистичны, не может решиться за счет перехода отдельных частных представителей из одного класса в другой.

Версия #1

Зверобой создал 19 января 2026 23:52:38

Зверобой обновил 19 января 2026 23:52:58